

Ростислав Тиссен

Гавайская
рубашка

16+

Ростислав Тиссен
Гавайская рубашка

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Тиссен Р.

Гавайская рубашка / Р. Тиссен — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Что хочется парню из провинции в 17 лет с гитарой наперевес? Доказать маме, что ты уже взрослый, завоевать сердце девчонки и, конечно же, стать знаменитым.

I

На базаре, полном крытыми и не крытыми торговыми рядами со всевозможной летней атрибутикой, начиная от лёгких шлёпок и заканчивая солнцезащитными очками и шляпами, был обычный солнечный трудовой день с той же торговлей, покупателями и продавцами, один из которых, здороваясь с другим, спросил в шутку: «Почём опиум для народа?». Одним из тех покупателей был он, обычный парень оп имени Рома и по фамилии Вагнер в изношенных кроссовках, который искал новую обувь. Он даже не подозревал, что блуждая в джунглях из прилавков и контейнеров с вещами, увидит рубашку, на которой изображены пальмы, ту, которую он так давно искал.

– Здравствуйте.

– Здрасьте, – своим обычным, профессиональным гонором ответила женщина продавец. Ещё бы! Она явно устала за один только сегодняшний день от подобных, порой и бесполезных, визитов покупателей.

– Можно рубашку примерить?

– Пожалуйста, – и через несколько секунд рубашка уже легла на его плечи и легла, между прочим, очень да же хорошо.

– Сколько стоит, – спросил он, застёгивая пуговицы

– 1500, – от радости он да же не расслышал цену

– Я такую рубашку 2 года искал. Всё никак не попадалась.

– Ну вот видите как удачно. И сидит хорошо.

– Да, – протяжно подтвердил покупатель. – Красота. Теперь жизнь изменится. Сколько вы говорите стоит?

– 1500

– Скинете немного?

– Так и быть, раз уж долго искал, за 1300 отдам.

Это базар, и не торговаться с продавцами – своеобразный грех.

После покупки он оставался таким же обычным, с виду таким же парнем, как и любой парень, идущий летом по городу. Вот только рубашка на нём была гавайская, как было модно в восьмидесятых, и мысли в голове совершенно не такие, как у остальных. Конечно, каждый мыслит, что «Я думаю не так как все...», но мысли в голове у него были по истине... другие. Он хорошо понимал, что он человек не из этого времени. Казалось, даже его гитара была с иным нравом.

Город, в котором он жил, был... город как город. Свой климат, весна, лето, зима, осень, новости, музыкальное подполье... Это отдельная тема.

Музыкантов в городе хватало. Коллективов тоже. Но каждый из тех, кто хотел играть что то вместе, тянул одеяло на себя. Можно было конечно сыграть, но быть «сессионником» означает подыгрывать кому-то и не петь свои песни, а это Рому никак не устраивало. Собрать свой коллектив оказалось сложнее, чем предполагалось. Не удавалось даже найти соло гитариста, который бы посодействовал хоть в записи песен и аранжировке. Он писал сам и музыку, и стихи, и песни записывал сам дома, без чьей либо помощи, но прорываться на сцену лучше с коллективом, где тебе подыгрывает и бас, и соло, и сама песня звучит намного объёмнее и красивее. Выход был – уезжать. Для переезда он выбрал Петербург – город, где давным-давно начало кипеть рок-подполье и куда он давно хотел поехать, хотя бы просто на каникулах посмотреть красивый старинный град. Это хорошее место для развития собственной музыки и развития личности в целом. Что бы уехать оставалось только доучиться один год и подсобрать денег на отъезд. В Петербурге жила его тётя по отцовской линии – тётя Зина. До её переезда она очень часто проводила время с Ромой когда он был ещё маленький. Но теперь минуло около двенадцати лет, и друг друга при встрече они возможно и не узнают. Тем не

мене, отъезд планировался на июль следующего года, вот только об этом, кроме самого Ромы, никто даже не задумывался...

...Поющий мужчина стоял на базаре уже Бог знает сколько лет. Впрочем, место его дислокации менялось, и в городе его можно было увидеть и послушать в разных местах. Пел он круглогодично. Лет ему на глаз было пятьдесят – пятьдесят три, белая шляпа скрывала серые просидевшие волосы. В левой руке он держал чёрный пакет, в правой на уровне груди маленькую баночку, в которую бросали кто что. Главное в этом мужике было то, что он, казалось, прочувствовал каждую песню; его взгляд пристально смотрел вдаль, и выходил он из такого транса только когда кто-нибудь бросал в баночку мелочь – мужчина смотрел, благодарно кивая.

В ту минуту, когда Рома был вблизи поющего, тот пел песню «Машины времени» «За тех, кто в море». Услышав её, Рома начал подходить ближе и встал по левую руку от мужика.

Я пью до дна
За тех, кто в море,
За тех, кого любит волна,
За тех, кому повезёт
И если цель одна
И в радости и в горе
То тот, кто не струсил
И вёсел не бросил
Тот землю свою найдёт...

В чём-то его даже стало жалко. Рома уже видел его и спрашивал у своих знакомых, как он докатился до такого. Запил. Пел всегда хорошо, пил тоже. С завода уволили. Вот и стоит, поёт. Ромка, когда тот начал петь уже другую песню, кинул ему полтинник монетами, получил в ответ кивок головой и пошёл восвояси. Он знал, что если из его творческой жизни ничего путного не получится, то это край.

II

Лето было в самом разгаре, конец июня как никак. Студенты отдыхали от экзаменов, выпускники школ готовились к поступлению в ВУЗы; город отдыхал, наслаждаясь солнцем, рекой и загаром. Ну а кто-то уехал, воспользовавшись отпуском, отдыхать в совершенно другие страны, где всегда тепло и всегда рады иностранным туристам, которые отдают бешеные деньги за 10 дней валяния на песке. К таким людям относилась мама Ромы – Мария Николаевна Сидоренко. Она улетела вместе со своим вторым мужем отдыхать в тёплые курортные места, оставив его в одной квартире с сестрой – редкой сволочью. Фамилии у Ромы и мамы потому и были разные, что, хоть она и не жила со своим вторым мужем, а жила только с детьми, но всё-таки оставила его фамилию, возможно не на долгое время.

Но расстраиваться по поводу перемен в связи с отъездом было не к чему, да и не зачем. Впереди 10 дней полной свободы, встреч и посиделок с друзьями, песен под гитару, ну и, конечно, всё это теперь будет в «гавайской» гамме.

Веселье не заставило себя долго ждать. Насыщенность этих летних дней была непредсказуемой. Было всё – от поздних полуночных посиделок с друзьями, заканчивая будильником в 5 утра.

Будильник в 5 часов этого уже довольно таки светлого утра зазвенел потому, что Рома умел делать сюрпризы. Он проснулся, при этом, спав всего лишь 2 часа из-за подготовки сюрприза, пробуждение показалось лёгким, оделся, взял несколько листов заготовленной бумаги, ножницы, скотч и отправился по ещё спящему утреннему городу. Малолюдность ещё более

усиливала чувство свободы, и ещё не прогретый, не так давно появившимся на небе солнцем, воздух приятно освежал. Зайти в нужный подъезд не получилось – он не хотел звонить в домофон и тем самым будить всех в квартире. Хорошо что не так далеко женщина дворник проводила уборку двора, и у неё оказались ключи от всех домофонов во дворе. Зайдя в подъезд и осмотревшись, он принялся обклеивать трубу и дверь, за которой была его не такая уж старая, но в этот день на год постаревшая, подруга. Фразы, соединяющие двух друзей, которые были напечатаны, так понравились имениннице, что вечером гавайская рубашка уже была за столом.

И, кстати, пока он весёлый и, как ни странно, энергичный возвращался домой после успешно выполненного задания под кодовым названием «обклейка», в голове родился мотив. Ещё никто, даже он сам, не знал, что это был мотив всего нынешнего лета. И слова всплывали сами собой. Эти пару уже июльских дней, даже эти сутки, были на столько насыщены, что эмоций хватило на целую песню.

Обычно в это время люди выходят из дому, отправляясь на службу, учёбу или, скажем, в больницу. Ему на пути встречались самые разные люди из самых разных слоёв населения. Когда Рома пришёл домой, восьмой час только начал идти. Самое время изложить на бумаге то, что было на уме. Скинув с ног мокасины и закрыв дверь в комнате, «маэстро» принялся творить. У каждого творческого человека порыв происходит в самое разное время. У кого-то днём, не взирая на движение людей и суету, у кого-то ночью, в тишине и умиротворении. Именно к Роме порыв приходил совершенно внезапно. Хорошо еще, что он успел записать те строки, что появились в пути, ну а гитара начала сама их петь:

Я иду по городу в гавайской рубашке
Я иду по городу в гавайской рубашке
Я поздравил подругу – у неё день Рождения
На улице разные слои населения.
Я иду по городу в гавайской рубашке...

После такого можно было и вздремнуть пару часиков, которые доспать не получилось. Что Рома и сделал.

III

...Куда же без средств к существованию? Эти каникулы нужно было провести с максимальной пользой и выгодой. Хорошо, что в этом году появились такие друзья, с которыми в огонь и в воду... и на стройку. Андрюха, коренастый, короткостриженный парень со спортивным телосложением, помог устроиться на объект, на котором во всю шёл ремонт. Именно это и называлось «стройка», а ещё попросту «лицей», так как ремонтировали школу – лицей. Что тут говорить, ремонт есть ремонт. После восьми часов трудового дня приходишь домой, смываешь с себя в душе всю пыль и грязь, ужинаешь и вырубаетесь так, что просыпаешься около полуночи с вопросом «Зачем проснулся?» и ложишься снова теперь уже в ночь. Да. Это один из самых физически трудных способов получить копейку. Копейки сулили неплохие, да и трудились то так, что бы не показывать безделье на виду. Последние две недели «тёрли» стены. Это их с Семёном и утомило.

Семён был одним из лучших друзей, постоянные смех и разговоры с которым не давали устать морально от столь утомительных физических трудов.

В один из обычных строительных дней друзья устроили обычный перекур. Было утро, так что прохлада во дворе школы ещё стояла. Они сели на подоконник открытого окна и начали делиться свежими снами от вчерашнего затяжного пребывания в спящем состоянии, перед этим конечно посмеявшись.

– Я, Олег и Андрюха стоим на стоянке и разговариваем, – делился привидевшимся Семён. – Мирно, спокойно. Вдруг, ни с того ни с сего, Андрюха запрыгивает в какого-то робота как прям в фильме каком-то... – тут он немного прервался вспоминая. – Блин. Забыл фильм. Ну в общем мы с Олегом убегаем от него. Бежим по машинам, перепрыгиваем через них. И тут я просекаю, что могу прыгать вверх метров на 5. И бах! Просыпаюсь. Не напрыгался нифига.

– Фигасе тебе фантастика снится! – засмеявшись сказал Рома. Вообще они любили сидеть на перекуре и просто посмеяться. – А мне тут вчера целая разборка приснилась. Сiju я короче дома днём и смотрю с окна во двор. Вижу там значит гопники местные собрались. Я беру с кладовки молоток, спокойно выхожу во двор, подхожу к этим отморозкам и начинаю фигарить их своим большим молотком. Вот только не помню, насмерть я их завалил или нет.

– Жестокий ты, амиго, – засмеялся Семён. – Прям как Тони Монтана.

– Хе! Жестокий! – в ответ усмехнулся Рома. – Я же тебе не за просто так людей мочу. Тем более что этим нелюдям есть за что отвечать.

После такой «душевной» беседы таскание разных тяжестей пошло веселее, тем более, что до обеда оставалось всего ничего.

Трудовой день был восьмичасовой плюс святой час – время обеда. Конечно ребята умудрялись перекуривать в любой удобный момент, уделяя отдыху минут десять. Как бы прораб не утруждал, а время всё равно пролетало быстро. Ремонт был почти окончен: положена плитка, сделан потолок, стены подготовлены к покраске. Ребята пробыли на объекте четыре недели, две из которых они шкурили стены. Только «истинным профессионалам» отделочного мастерства было «раз плюнуть» шкурить стены долгое время. Отделочнице тёте Вале вообще всё было по барабану.

– Вот вам комната, там, в кладовке возьмёте шкурку. Если что – встанете на козла. Углы тщательней шкурьте. Вот так зачищайте, – она показала быстрыми движениями своей мбстерской руки как нужно затирать места, где выступала шпаклёвка. – Поняли?

– Да, да! – дружно отвечали новоявленные отделочники.

Вот так и прошли пол пыльных месяца, после которых Семён и Рома, при первом появлении в руках прораба заявлений об увольнении, решили брать расчёт и сваливать. Сваливать подальше от «тёрок», «шкурков», пыли, и при этом сделать ещё что-нибудь эдакое в стенах лица, выходящее за рамки приличия.

Но это всё мелочи. Ничего они не сделали. В самом начале августа они получили честные, с перекурами «отшкуренные» деньги. Свобода! Свобода действий! Теперь перед ними встал вопрос – что делать оставшийся до учёбы месяц?

IV

Рома хорошо понимал, что стройка никак не способствовала продвижению его творческой деятельности. Это был лишь способ получить средства, которые откладывались на то, что бы уехать из этого города. К тому же Рома сильно уставал. Таскание мешков с цементом, носилок с песком, зашкуривание стен уматывали так, что после ужина он сразу отрубался часов на 12. Не было сил, что бы просто посидеть ночью за столом и что-нибудь написать. Не было времени. Не было песен...

После увольнения с «лица» до начала последнего курса училища оставался целый месяц. Нужно было соображать, чем же полезным заняться. Конечно, было несколько вариантов куда устроиться. Как раз таки размышлением на счёт этих вариантов Семён с Ромой и убивали уже минут сорок в комнате Ромы. Квартира, где он жил вместе с мамой и сестрой, в целом была обустроена довольно неплохо, исходя из того, что мама с сестрой прилично зарабатывали. Что касается его комнаты, то при входе в неё можно было сразу сказать – хозяином в ней был музыкант: слева стоял компьютерный стол, по бокам которого на полу располагались большие

колонки, подключённые к самому компьютеру, а в самом углу, на полу, лежал большой чёрный чемодан, на котором, опираясь на угол, стояла гитара. Чёрный чемодан, если снять верхнюю крышку, представлял собой микшерный пульт с десятью каналами. Далее, после стола и правой колонки, у стены стояла кровать, за ней в углу на стеклянном столике с двумя полочками телевизор 63ей диагонали. У другой же стены от пола до самого потолка стояли привинченные к стене, что бы не упасть, многоярусные полочки, большинство из которых занимали книги; из них же в свою очередь, большинство было из музыкальной литературы: энциклопедии рока, несколько томов музыкальной энциклопедии, сборники стихов поэтов-исполнителей, сборники нот и табулатур. На самой нижней полочке располагались разноцветные детские книги, книги для младшего школьного возраста, научно-познавательные энциклопедии, словом то, что составляло книжное детство Ромки, и что он, наверное, только достанет чьим-нибудь детям. На одной из полок повыше стояли различные сувениры и видимо памятные для Ромы предметы: ракушка, модели машин, индийский слон из дерева, маленькая позолоченная гитара на подставке, расписанная какими то восточными иероглифами черепашка, иконы и ещё несколько разнообразных интересных вещиц. Слева от полочек на стене висело в рамках четыре чёрно-белых портрета: Виктора Цоя, Михаила «Майка» Науменко, Игоря Талькова и Сергея Наговицына. Эти люди, ушедшие, но принёсшие в этот мир так много правдивых песен и красивой музыки, были для Ромы примером творческой музыкальной жизни. Внизу, на полу под портретами, лежали четыре гантели, и стояла восьмикилограммовая гиря. Для поддержания здорового образа жизни, хозяин комнаты в свободное время был не прочь позаниматься «железом». Ковёр на полу, шторы, обои и, в прочем, вся комната были исполнены в тёплых тонах, о чём постаралась Мария Николаевна. Рома же внёс лепту в интерьер своими предметами из более тёмных тонов.

Диванчик, на котором он сейчас лежал, был серого цвета и располагался у правой стены, напротив компьютерного стола. Семён же, как гость, которому положено самое почётное место, лежал на кровати. Он обмолвился, что хотел бы устроиться в сферу дизайна или какого-нибудь оформления, так как умел довольно таки неплохо рисовать. А пока что они ударились каждый в свои мысли и в тишине соображали, куда можно пойти.

Внезапно послышался шорох в тамбуре, щёлкнул замок входной двери, и Рома, встав с дивана, закрыл ведущую в комнату дверь, в которой были вставки из полупрозрачного стекла. Немного погодя за стеклом слева направо пронеслась фигура человека небольшого роста, и послышался удар захлопнувшейся двери. Рома опустил на диван.

– Сестра пришла, – тихо сказал он Семёну. – Сейчас начнётся.

– Что начнётся? Концерт?

– Аха, – он посмотрел на часы. – Она на обед пришла. С ней лучше не связываться и вообще не пересекаться.

– Суровая такая что ли? – продолжал спрашивать Семён.

– Да зверь, сволочь просто, – он замялся и явно не хотел продолжать разговор о сестре. – Короче... – он резко встал с дивана и сел на компьютерное кресло.

– Ты что делать собрался? – спросил его Семён, но тот молчал и что-то списывал с монитора на маленький листок бумаги, вырванный из блокнота.

Немного времени спустя Рома сказал: «Я тут выписал несколько мест, где требуются художники, декораторы, дизайнеры и тому подобное. Пройдёмся, один хрен делать нечего.

– Зашибись! – как всегда активно поддержал его Семён. – А ты решил, куда хочешь?

– Да есть тут у меня кафе одно на примете... Я вспомнил, что там приятели играли. Может и меня возьмут.

Путь лежал через несколько дизайнерских компаний, офисов и не очень чистых подпольных фирм. Где-то сказали, что нужен опыт, где-то нужно резюме. В одном офисе хоть что-то

дало надежду – сказали принести свои рисунки. Конечно, опыта работы в дизайнерских кругах у Семёна не было, но ведь нужно когда-то начинать...

Последним пунктом списка было кафе со странным названием «Алебард». Ещё на пути в него Семён спросил: «А что такое Алебард?». Но Рома и сам не знал:

– Хрен его знает. Сейчас зайдём – спросим.

Крыльцо кафе было украшено коваными перилами, а деревянная вывеска с расписными буквами чёрного цвета освещалась двумя фонарями, сделанными в виде факелов. Дверь была обнесена кирпичами, что создавало эффект входа в какую-то крепость. И действительно, войдя в дверь, друзья убедились, что весь интерьер был сделан в средневековом стиле: кирпичом были обделаны все стены, на которых висели над каждым столиком прототипы факелов, с лампочками вместо огня; над барной стойкой голова кабана, олени рога над первым столиком и над входом. Хотя зал был достаточно маленьким и вмещал лишь семь столов, интерьер привлекал своей необычностью.

За барной стойкой никого не было. Посетителей не было тоже. Лишь девушка азиатской внешности, наверное администратор, сидела за столиком перед дверью, видимо ведущей на кухню.

– Здравствуйте, – поздоровались по очереди ребята.

– Здравствуйте, – не отрывая глаз от бумаги, произнесла девушка. Судя по всему она что-то подсчитывала, записывала какие-то расчёты и посетители отвлекали её. На её белой блузке висел бейджик с зелёной бумажкой, на которой сверху было напечатано мелким шрифтом «Администратор», а ниже уже крупнее «Жанна».

– Извините, у вас в кафе, я слышал, ребята на гитарах играют... – начала беседу Рома.

– Да, у нас есть музыканты.

– А к вам устроиться можно?

– Вы тоже играете? – не отрывая головы от бумаг спросила Жанна.

– Да.

– На гитаре только он, – поправил Семён, указывая рукой на Рому. – Я люблю играть на других инструментах, – он ехидно приподнял левую бровь.

– Мило, но стриптизёр нам не требуется. Шеф сейчас в отъезде. Оставьте свои данные, я ему передам, – Жанна положила маленький квадратный листочек на стол ближе к Роме. Он сел на стул рядом и через минуту его координаты были протянуты девушке.

– Мы с вами свяжемся.

– Спасибо. До свидания, – оба посетителя попрощались и направились к выходу. Настроение заметно поднялось, но, похоже, только у Ромы, ведь Семёну кафе было не так интересно.

– Блин! Что такое «алебард» то забыли спросить! – воскликнул Семён.

– Точно. Ёмаё. Ладно. В следующий раз спрошу.

– Заодно телефончик у Жанны спроси.

V

На долю каждого человека выпадает определённое число испытаний. Их количество зависит от длительности жизни. Бог просто проверяет нас, проверяет, насколько мы сильны или слабы. Если человек пройдёт через все эти испытания, потери, неудачи, то он по истине поймёт что такое земное счастье.

Одним из таких жизненных барьеров на пути к счастью в жизни Ромы была его старшая сестра – Светлана Сергеевна. Так её звали теперь в её неполные 27, ведь она пошла по стопам матери и добилась карьерного роста, денег и уважения, при этом «сидя в девках» и упрекая всех и вся за то, что у неё нет отдельной жилплощади. А брат все годы был для неё пустым местом, и ругаться с ним, видимо, доставляло ей удовольствие.

Так днём, после обеда, Роман сидел на кровати с подушкой за спиной и играл на гитаре. Он напевал тихо, что бы снова не разгорелся скандал: в квартире они были вдвоём с сестрой, и так как мама ещё не вернулась с отдыха, она возомнила себя хозяйкой всего.

... Мои мокасины довольно удобны,
И мне наплевать модно или не модно...

Закрытая дверь комнаты резко открылась, и он увидел её силуэт через стекло.

– Не играй! – крикнула Света и захлопнула дверь.

– Хочу и играю, – потише ответил Рома

– Рот закрой! – уже в коридоре продолжала она своё.

– Не хаами! – закричал было Рома, но сестра уже захлопнула и свою дверь. На этом их диалог прекратился, но не надолго, пока Рома снова не заиграл.

– Ты что, тупой? – снова открыв дверь закричала Света.

– Да я то нормальный, а вот тебе лечиться надо, – спокойно ответил Рома.

– Я тебе сказала – не играй! Я работаю, мне сосредоточиться надо!

– А я может деньги получать буду за то, что играю

– Да мне плевать! Я тебе сказала – не играй нахрен! – она хлопнула дверь с ещё большей силой и ненавистью. Рома вскочил с кровати, быстро подошёл к двери и открыл её.

– Когда будешь королевой в какой-нибудь стране маленьких лилипутов, вот тогда запрещай, приказывай! – он хотел было сказать это в глаза, но когда открыл дверь сестры за ней уже не было.

– Да чтоб ты сдох, гнида!

– Я то сдохну! Обязательно сдохну!

Она захлопнула дверь в свою комнату и стук промчался по всей квартире. Рома сел на диван и тихо произнёс: «Господи. Почему у меня такая сестра? За что она меня так ненавидит?»

В ответ на ненависть сестры ненависть Ромы имела такую силу, что хотелось разбить кружку о голову. Но, кружек в доме было достаточно, и ответ не заставил бы себя долго ждать...

Кто его знает, что могло бы произойти между ними в отсутствие матери, но потихоньку отпуск заканчивался, и в скором времени она вернулась домой. В это утро, когда она приехала, Рома увидел закрытую дверь в кухню и подумал, что там сестра. Он свернул в ванную, но звук захлопнувшейся двери опередил его. Это был почерк сестры. Рома развернулся и в предчувствии тёплой встречи вошёл в кухню.

– Привет мама! С приездом!

– Привет. Спасибо, – они обнялись, и Рома присоединился к завтраку, наполнив свою кружку свежим чаем.

– Добрались хорошо?

– Да всё хорошо.

– Отдых понравился.

– Конечно! Там такая красота, – с упоением начала рассказывать мама. – Я тебе потом фотки покажу. Вода голубая. Кормят – от пуза. Сервис – просто супер.

– Зашибись. Значит – оно того стоит.

– Конечно. Ни чуть не пожалела, что потратилась

– И слава Богу. Ты сейчас уходишь?

– Нет, мне только в понедельник выходить на работу.

Дверь в ванную комнату резко открылась, и послышались шаги в сторону кухни. Те, кто находился в ней, это отчётливо слышали.

– Ну всё. Сейчас начнётся. Три, два, один, – как только Рома это сказал, дверь приоткрылась

– Можно побыстрее! – донёсся крик Светы, и дверь снова закрылась.

– Королева наша проснулась, – сказала мама собирая со стола фантики от конфет.

– Давай скорее чай допивай. Или пошли к тебе, фотки посмотрим.

Поднявшись из-за стола, они с кружками вышли из кухни в зал, где спал, играл, пел Рома. После просмотра красочных курортных морских фотографий, он не изменил своего мнения на счёт больших трат. Он бы просто-напросто съездил на эти деньги в Петербург, при чём раза три. Но, в принципе, ему было всё равно – деньги то ни его. Главное, что мама была довольна.

VI

Этот звонок был неожиданным. Воскресный день, 11 часов утра. Последние дни августа, по части погоды, удавались на славу. Ещё несколько дней, и начнётся учёба. Надо было отдыхать, пока подворачивалась такая возможность. Что Рома и делал: лежал на кровати, рядом, облокотившись на кровать, лежала гитара. Видимо начало дня проходило в музыке. Всё бы ничего, но тут на сотовом телефоне высветился неизвестный номер:

– Аллю.

– Аллю! Это Рома?

– Да

– Это Сергей Петрович, директор кафе «Алебард»

– Здравствуйте. Неожиданно, – от удивления он ухмыльнулся.

– Здравствуйте. Да я только приехал недавно, и мне тут девочки мои говорят, что Рома приходил какой-то. Вот и думаю, как нам с тобой быть, – голос был не грубым, располагающим к беседе.

– А какие варианты есть?

– Ты подвезти сегодня сможешь? К часу.

– Смогу, – после двухсекундного раздумья ответил Рома.

– Отлично. Тогда жду тебя в час. Давай, до встречи.

– До свидания

С кафе позвонили лишь спустя почти месяц после визита Ромы и Семена. Ромик уже и забыл про всё это: «Ну не звонят, да и не звонят», – размышлял он.

В кафе Рома подъехал к 12:50. «Шеф», как его называли «алебардовские» официантки, сидел в VIP комнате за закрытой дверью. Как только из неё вышла девушка, видимо одна из официанток, шеф пригласил за стол переговоров Рому.

– Присаживайся, – указывая рукой на диванчик, предложил директор. – Ну, рассказывай. Пел уже где-нибудь?

– Да так, самодеятельность всякая. Мероприятия какие. На улице пел много.

– И как отзывается народ? – с усмешкой сказал Сергей Петрович.

– Да вроде не жалуется, – с усмешкой ответил Рома.

Вообще обращаться по имени и отчеству Роме было не очень удобно. Шеф выглядел стройным, подтянутым мужичком лет 30 – 32. Да и, как вследствие выяснилось, от обращения просто по имени он не возражал.

– Понятно, – улыбнувшись, произнёс Сергей. – Раз уж ты с гитарой, то давай, споём чего-нибудь.

– А что у вас обычно поют? – спросил Рома, расчехляя инструмент.

– А все по-разному. Были ребята «Кино» пели, «ДДТ», в основном рок, но не тяжёлый, который к приятному вечеру располагает. Но только без «блатняка».

– Хорошо... – лишь только сказав это, он ударил по струнам.

Я иду по городу в гавайской рубашке
Я иду по городу в гавайской рубашке...

Сергею ритм понравился; он слушал с улыбкой и, даже немного пританцовывая, тарабанил по столу ладонями.

На следующий день, в понедельник вечером, Рома уже сидел с гитарой за барной стойкой и пел:

Я спал этой ночью лишь 2 часа
Вчера я сделал предложение, я стихи ей писал
Эй, люди! Мне давно снесло башню!

Из семи столов заняты были пять, но тем не менее аплодисменты зазвучали так, как порой не звучат при полном зале.

В комнате сделанной под складскую настраивал гитару другой музыкант «Алебарда» – Боря. В музыкальном андеграунде города его так и звали – Боря «БГ». Видимо из-за его глубоких познаний в питерской музыке, в частности группы «Аквариум», чьи песни он преимущественно и пел в кафе. Внешне же, он не имел большого сходства с Гребенщиковым – хоть голос был похож и он носил длинные волосы, но на время выступления собирал их в пучок. Да и одевался прилично, так сказать «под стать заведению». Наверняка, увидев его на улице днём, он шёл бы с распущенными волосами и в каких-нибудь хиповских шмотках.

Рома, под звучащие за спиной аплодисменты, зашёл из зала кафе на кухню и, пройдя немного, в складскую. Он поставил гитару в угол, рядом с полочками заполненными пивом.

– Ну как народ сегодня? Нормально? – спросил всё ещё настраивающий висящую на ремне гитару Боря.

– Да, реагирует хорошо, – Рома сел на маленький диванчик, который оказался сломан. Под весом Ромы он накренился прямо – вперёд. Они вместе с диваном чуть было не грохнулись на пол.

– Осторожно! Он сломан, – как бы предупреждая, вырвалось у Бори.

– Спасибо. Ещё б чуть-чуть и я бы навернулся, – нога рефлекторно упёрлась в пол и не дала телу Ромы грохнуться на пол и без того тесной комнатушки.

– Это ты песню придумал... – сказала вошедшая повариха тётя Лера. Она хотела выйти во двор и покурить. Путь к двери, выходящей во двор, лежал как раз через кладовую, – ... про рубашку? – она вытерла руки о полотенце и отпустила правую руку в карман, где лежали сигареты.

– Да, я написал

– Молодец. Весёлая песня. Хорошо поёшь, – тётя Лера была задорной тёткой и говор у неё то же был задорный.

– Спасибо, – застенчиво улыбаясь, сказал Рома.

– Тётя Лера, вы на перекур? – спросил стоявший у неё на пути Боря.

– Да. Пойдёшь? – уже держа сигарету в губах, спросила тётя Лера

– Не, я недавно ходил, – он пропустил её прислонившись вместе с гитарой к полочкам.

– А ты давно уже в кафе? – Рома хотел поближе узнать о жизни интересного с первого взгляда человека.

– Да вот, второй год уже, – немного призадумавшись, ответил БГ.

– Ого! И не надоело ещё?

– Да нет. Приходится играть. В нашем городе музыкантам сложно пробиться; хоть так – уже хорошо.

– Я тоже чисто из-за средств. Ну и опыта поднабраться
– А ты учишься? – задал встречный вопрос Боря. Он не хотел много о себе рассказывать. Это стало ясно после его ответов. Судьба, как после всё-таки узнал Рома, была тяжёлой, и делиться с кем-то пережитым ему не хотелось.

– Да

– На кого?

– На экономиста

– Востребованная профессия. Будешь хорошим специалистом – будешь хорошие деньги зарабатывать.

– Да ну их нафиг! Мне б сейчас поднакопить немного, доучиться и в Питер свалить.

– А там что?

– А там музыкой заниматься.

– Тогда зачем ты на экономиста сейчас учишься?

– Да семья у меня, счетоводы, – Рома сказал эту фразу, глядя в пол и с подтекстом «Как вы меня достали», но всё же улыбаясь. Ведь он любил вою мать и перечить ей не мог.

– Ну тогда понятно. Мама значит заставила

– Ага

– Правильно делаешь. Валить отсюда надо. Я бы сам давно свалил, да дочка у меня тут. И так её мать к себе забрала, видимся редко, а уеду так совсем видеться не будем, – на время рассказа о своей нелёгкой доле, БГ перестал настраивать гитару и положил руки на неё. – Ты главное не позволяй никому себя сломать, если хочешь по жизни заниматься музыкой. Сколько раз мне говорили: «Ты поёшь плохо», «Голоса у тебя нет», «Это не так играешь», «Тут аккорд не так берёшь»; я на всё забивал и всё равно пел и играл. Главное – в душе музыкант, а остальное всё фигня.

– Согласен, – лишь только вставил Рома. Тут и говорить было нечего.

– Мне два пальца сломали на левой руке, и ничего, играю. Зарабатывать то надо как-то. За то любимое дело хлеб приносит.

– А мне хоть руки сломают, да хоть помру – всё равно играть буду, – рассмеялся Рома и его смех слился с гитарой, на которой тут же заиграл Боря и запел:

Этот поезд в огне и нам не на что больше жать.

Этот поезд в огне и нам некуда больше бежать...

Рома взял свою гитару и положил её на ногу поставленную, на диванчик. Он быстро подстроился под Борю и запел с ним вместе:

Эта земля была нашей, пока мы не увязли в борьбе.

Она умрет, если будет ничьей, пора вернуть эту землю себе.

Услышав пение, тетя Лера с сигаретой в зубах вошла и встала на порог, что бы лучше их слышать. Она тоже хотела подпеть и шептала губами слова песни. Протрудившаяся на кухне этого кафе 7 лет, она знала многие песни, а уж если Боря так часто поёт Гребенщикова, то тогда тем более.

Вечером этого дня, напоследок, они вместе спели «Поезд в огне», и под шум аплодисментов, оставшихся на момент ухода музыкантов, посетителей Боря сказал: «Иди, такси вызывай». Больше сегодня в зале кафе они не появлялись. Рома попросил такси заехать со двора и, попрощавшись со всеми, кто был из персонала, вышел с Борей через заднюю дверь. Они сели в ждущий их красный автомобиль, и шофёр развёз их по домам.

VII

Любовь. Самое прекрасное чувство на Земле. Кто не познал его и не вкусил плод любви, тот живёт неполноценной жизнью. Самая первая любовь – материнская. Грех матери если она не любит своего ребёнка. Слава Богу, у Ромы была любящая и понимающая мать, и когда она узнала, что он играет в кафе, её первый вопрос был «Аплодировали?». «А как же учёба?» – спросила она, но Рома её убедил, что он временно в кафе и вечерние песни никак не повлияют на знания, тем более что в училище их не давали.

Начинался третий, последний курс. В первый учебный день гавайская рубашка пересекла порог уже надоевшего учебного заведения. Всё было так же, как и три месяца назад: толпа, крутящаяся на первом этаже, знакомые лица, дежурные в фойе.

Каждый день на первом этаже, в фойе, рядом с вахтой, стояли двое дежурных из числа учащихся. Они менялись на протяжении всей недели, то есть за 6 учебных дней из определённой группы должны были отдежурить 12 человек, потом с понедельника заступала на пост другая группа. Так уж сложилось, что первой дежурной группой в этом семестре была группа параллельная Роминой – Ф-32, так как он сам был из Ф-31. Всё бы ничего, да вот только со знакомой девушкой из параллельной группы стояла «прекрасная незнакомка», маленькое, голубоглазое прелестное создание со светло русыми волосами до плеч. Её одежда была чем-то сродни школьной – белый верх, чёрный низ. Вообще в училище предоставлялась свобода в плане выбора одежды, но видимо в первый день, да ещё из-за дежурства, она решила одеться именно так. По ней было видно, что она чего-то стесняется. Это ещё больше притягивало Рому, и он встал у окна напротив неё. Порой их взгляды встречались, но ненадолго. Раздавшийся звонок на первую пару заставил всех толпившихся, в том числе и Рому, промчаться мимо дежуривших и разбежаться кому в правое крыло, а кому в левое. Он прошёл мимо неё, бросив последний перед уходом взгляд в глаза: на высоких каблуках она была немного ниже его. «Красивая девушка», – подумал он про себя и поймал себя на мысли, что с ней нужно обязательно познакомиться.

Такая возможность подвернулась на следующий день. Обе группы сидели на одном этаже и Рома, как будто просто узнать как дела, зашёл в кабинет, где сидели ребята из параллельной. Там то, прямо у кабинетной двери их и познакомила хорошая знакомая и его бывшая одногруппница Альбина.

– А у нас новенькая, – сказала она. – Знакомься – Аня.

– Очень приятно. Рома, – он протянул ей руку, и она пожала её своей нежной маленькой ручкой.

– Рада знакомству, – тихо произнесла Аня.

– Может пойдём посидим, – указывая на лавочку возле кабинета сказал Рома.

– Пойдём. Оставшиеся семь минут перемены помогли хоть немного, но узнать друг друга. Аня оказалась очень приятной собеседницей и часто смотрела Роме прямо в глаза.

– Как ты попала к нам в училище да ещё и сразу на третий курс? – начал Рома. Она тихонько засмеялась

– Да как все попала, только вот что два курса в другом училище была. Его закрыли летом, и я сюда перевелась.

– Как тебе у нас первые дни?

– Хорошо. Адаптируюсь потихоньку. Вчера уже дежурной была, – она говорила с улыбкой и казалась очень милой.

– Да, я видел тебя.

– Я тебя тоже видела. У тебя взгляд такой интересный был.

– Какой? Вот такой? – он скорчил гримасу, под которой можно было прочесть удивление, приподняв левую бровь.

- Забавный, – засмеявшись, сказала Аня.
 - Ты прости, что я так на тебя засмотрелся вчера.
 - Да ничего, – они оба засмутились, а Аня не убирала с лица свою милую улыбку.
 - Ты чем-нибудь занимаешься в плане творчества? – продолжил разговор Рома
 - Если гимнастику можно назвать творчеством, то да
 - Ого! – от удивления у него даже в сердце что-то ёкнуло. – Нифига себе. А давно?
 - Лет десять наверно
 - Вот ты наверно гибкая, – продолжал с удивлением Рома
 - Да, – протяжно сказала она и продолжила после паузы, – А ты чем нибудь занимаешься?
 - Музыкай
 - Ух ты! Играешь значит на чём-то?
 - Да, на гитаре.
 - Круто! Научишь меня? – по детски спросила Аня.
 - Конечно научу, если ты сначала на «мостик» встанешь, – по взрослому ответил Рома и улыбнулся ей.
 - Договорились... – раздавшийся звонок прервал сей милый разговор, и требовал подняться со скамейки.
 - Блин! Звонок! У вас какая следующая пара? – спросил Рома, который не торопился вставать.
 - Мы же вроде перешли на «ты», сударь, – сказала уже встававшая со скамейки Аня.
 - Я группу имел в виду, – разудыбался он. – Хорошо. Какая у тебя следующая пара, – сказал он, выделив «тебя».
 - Бух учёт.
 - Значит в том крыле. У нас тоже, по-моему, там пара, – он встал вслед за ней.
 - Значит увидимся, – она подмигнула ему и зашла в кабинет.
- Рому охватила энергия, которая заставила его расплыться в улыбке и дать понять: «Я влюбился». Он, припрыгивая, зашагал к своему кабинету и радостный скрылся в нём.

VIII

Группа Ф-31 делилась на две части, на две противоположные подгруппы: те, кого что-то интересовало из профессии, садились ближе, на первые и вторые парты, а кому было всё равно и интереснее слушать байки одноклассников, сидели на задних рядах. Рома находился между двумя подгруппами, но чаще садился со второй. Он делал это лишь ради весёлого проведения пар, а на самом деле неплохо понимал то, что иногда давали преподаватели. Иной раз как преподаватель отлучался и лекцию диктовал кто-то с первых рядов, для тех же первых рядов, во второй половине аудитории разгорались споры и беседы. Причём одним было совершенно наплевать на других. Первые ведь были как роботы, действовали по программе «читать и писать».

– ... а я смотрю у нее глаза красные-красные. И говорю так: «Здрасьте тётя. Я по объявлению», – громогласно раздался отрывок Роминой байки, за которым последовал смех половины группы.

Ему не хватало только гитары, и тогда можно было бы устраивать концерт, ну или, скажем, сдвинуть парты в кучу, поджечь их и попеть песни у костра. Всё равно от них нет проку. Что толку просто так сидеть, если в этом учебном заведении «отмывают» деньги родителей, чьи дети думают «Если оплачено, значит диплом так дадут».

Даже когда диспетчер заходил проверять посещаемость, по нему можно сказать, что ему всё равно на безделье и шум в группе.

Среди сброда так называемых «преподавателей» выделялось несколько человек, которые хоть как-то держали дисциплину и располагали к себе. Остальные же вели со студентами беседы на совершенно посторонние темы. Кузина, Тамара Ивановна, которая как бы «преподавала» учёт и аудит, могла спокойно рассказывать о своей семье или же о том, как они с мужем упыхивались на даче. Семён Евгеньевич Карлов, преподававший высшую математику, вообще мог завести разговор о бане и пиве. Но среди всех псевдоучителей выделялся один пренеприятнейший тип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.